

II

Псковитянка, драма Л. Мея

Положимъ, что еще можно было нашей критикѣ, занятой преимущественно такими важными задачами какъ казнь обломовщины и какъ доказательства ненародности Пушкина, не замѣтить небольшого поэтического разсказа: "Лѣсъ"; но какъ же было ни слова не сказать, ни худого, ни добраго, о такой серьезной вещи какъ "Псковитянка" Л. Мея?.. Точно у насъ такое огромное богатство драматическихъ оригинальныхъ произведеній -- да и вообще оригинальныхъ произведеній, что можно иногда молчать о нихъ? Во первыхъ и вообще-то молчать о какомъ бы то ни было честномъ и даровитомъ трудѣ -- чрезвычайно неприлично критикѣ, а во вторыхъ, у насъ это хуже чѣмъ неприлично: вредно. Не говоря уже о томъ, насколько молчаніе критики оскорбительно для даровитаго писателя, который желаетъ всегда слышать справедливый приговоръ своему произведенію -- молчаніе, положительно вредно, потомучто оставляя писателя при однихъ его самородныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, оставляетъ и такъ называемую публику при одномъ ея собственномъ, неопредѣленномъ сочувствіи къ писателю.

Бываютъ случаи, что молчаніе критики является даже и матеріально вреднымъ. Случай такого рода произошолъ на нашихъ глазахъ съ "Псковитянкой" Л. Мея. У академіи нашей, которой, какъ всякой академіи, для оцѣнки писателя нужны извѣстныя, установившіяся данныя (и чѣмъ больше они установились, чѣмъ больше стали обязательны и даже принудительны, тѣмъ лучше), не было никакихъ данныхъ для оцѣнки таланта Л. Мея вообще и его драмы въ особенности -- и вотъ драма не удостоилась преміи. А между тѣмъ, она, по нѣкоторымъ параграфамъ устава, можетъ быть, прежде всѣхъ другихъ, подлежала оцѣнкѣ и разсмотрѣнію, -- и стоила преміи нисколько не меные драмы Писемскаго. Академію, повторимъ опять, какъ и всякую академію, винить много нечего. Она свое дѣло сдѣлала: увѣнчала, говоря академическимъ терминомъ, два произведенія, на которыя указывали ей положительныя, установленныя критическія данныя; хоть разумѣется нѣсколько странно, что она уравнила премією два произведенія, изъ которыхъ одно неизмѣримо выше другого, до того выше, что по строгой справедливости, одно только и должно было быть увѣнчано... Если же непременно нужно было увѣнчивать другое, то слѣдовало увѣнчать еще и третье. Почему же еще не четвертое, спросятъ можетъ-быть нѣкоторые?.. А потому, что ни какое четвертое указать нельзя, потомучто при всѣхъ своихъ недостаткахъ и драма Писемскаго и драма Мея имѣютъ такія яркія достоинства, по которымъ прямо относятся къ художеству, а не къ беллетристикѣ и сценическому репертуару.

Высоко ставя талантъ Л. А. Мея, и надѣясь скоро отдать подробный отчетъ о всей его дѣятельности, по поводу выходящаго теперь полного собранія его сочиненій, мы совершенно далеки отъ того, чтобы вообще признавать его драматургомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ наприимѣръ драматургъ -- Островскій и восторгаться его драмами вообще и даже лучшею изъ нихъ: "Псковитянкою" въ особенности. А между-тѣмъ, нельзя же не видѣть того, что "Псковитянка", чрезвычайно-замѣчательное поэтическое произведеніе -- и говоря это, не нужно прибавлять казенной фразы: "при бѣдности нашей драматургіи..." И драматургія наша вовсе не бѣдна, потомучто у насъ есть Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій -- да и "Псковитянка" вовсе не принадлежитъ къ разряду явленій, о которыхъ обыкновенно говорится, что на безрыбѣ и ракъ рыба. Нѣтъ! "Псковитянка", съ ея недостатками и достоинствами -- сама по себѣ, безотносительно-замѣчательное произведеніе, а одна сторона ея такъ замѣчательна, что замѣчательнѣе-то въ этомъ родѣ у насъ и нѣтъ ничего: вѣдь эта сторона "Псковитянки" стоитъ на ряду, -- шутка сказать! съ Пушкинскимъ Борисомъ. Эта сторона "Псковитянки" выдвигаясь какъ-то странно изо всей, весьма впрочемъ достойной уваженія, дѣятельности даровитаго автора, заставляетъ невольно предполагать, что силъ въ его талантѣ больше, чѣмъ мы видимъ во всемъ остальномъ его творествѣ, что стало быть этимъ силамъ кое-что мѣшаетъ вполне высказаться. Вѣдь нельзя же допустить съ одной